

- ³⁷ См.: *Pasquier E. Les Recherches de la France. P., 1611. P. 729.*
- ³⁸ *Нострдам Жан де. Указ. соч. С. 284.*
- ³⁹ *Вакейрас Раймбаут де. Разо первое // Жизнеописания трубадуров. М., 1993. С. 212.*
- ⁴⁰ *Pasquier E. Les Recherches de la France. P., 1611. P. 729–730.*
- ⁴¹ *Ibid. P. 730.*
- ⁴² *Ibidem.*
- ⁴³ Характерно, что в текстах Данте отсутствуют упоминания о первых трубадурах. И.Я. Голенищев-Кутузов полагал, что он просто не знаком с сочинениями Маркабрюна, Рюделя и Гильема Аквитанского. См.: *Голенищев-Кутузов И. Я. Данте и средневековая культура // Творчество Данте и мировая культура. М., 1961. С. 121.*
- ⁴⁴ См.: *Данте Алигьери. О народном красноречии. Книга 1 // Данте Алигьери. Малые произведения. М., 1968.*
- ⁴⁵ *Pasquier E. Les Recherches de la France. P., 1611. P. 731.*
- ⁴⁶ *Ibidem.*
- ⁴⁷ *Ibidem.*
- ⁴⁸ *Ibidem.*
- ⁴⁹ *Ibidem.*
- ⁵⁰ *Дю Белле Ж. Защита и прославление французского языка // Эстетика Ренессанса : в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 256–257.*
- ⁵¹ *Pasquier E. Les Recherches de la France. P., 1611. P. 731.*
- ⁵² *Ibid. P. 734.*
- ⁵³ *Ibid. P. 739–740.*
- ⁵⁴ *Ibid. P. 734.*
- ⁵⁵ *Ibidem.*
- ⁵⁶ *Ibidem.*
- ⁵⁷ *Ibidem.*
- ⁵⁸ Создатели знаменитых мистерий «Подлинной мистерии о страстях Господних» и «Мистерии о деяниях апостолов»
- ⁵⁹ *Pasquier E. Les Recherches de la France. P., 1611. P. 735.*
- ⁶⁰ *Ibidem.*
- ⁶¹ *Ibidem.*
- ⁶² *Ibidem.*
- ⁶³ *Ibid. P. 736.*

УДК 94(460).087

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИСПАНСКОГО НЕЙТРАЛИТЕТА В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Д. М. Креленко

Статья посвящена анализу соблюдения статуса нейтрального государства, как самой Испанией, так и ее партнерами, относящимися к противостоящим лагерям. В работе затрагиваются вопросы изменения экономической ситуации и последствия активизации внешней торговли Испании в годы войны. Особое внимание уделено эволюции внешнеполитического курса страны и прецедентам, связанным с нарушением испанского нейтралитета на протяжении 1914–1918 годов.

Ключевые слова: Первая мировая война, Испания, нейтралитет, внешняя политика, Антанта, Тройственный союз.

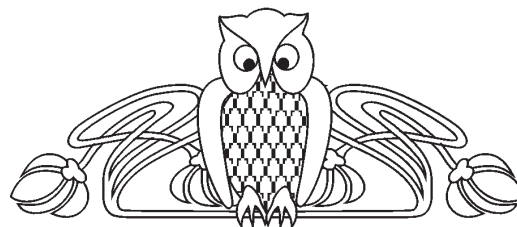
Spanish Neutrality During the First World War: Selected Aspects

D. M. Krelenko

The article analyses the maintenance of neutrality by Spain as well as its partners belonging to opposing sides. The article touches upon the issues of alterations in the economic situation and consequences of the facilitation of Spanish international trade in WWI. The author focuses on the development of the country's foreign policy and the cases when Spain infringed the neutrality during 1914-1918.

Key words: WWI, Spain, neutrality, foreign policy, Triple Entente, Triple Alliance.

Внешняя политика Испании в канун Первой мировой войны имела фундаментом комплекс соглашений с западными участниками «сердечного соглашения», достигнутыми в Альхесира-

се и Картахене. Альхесираские соглашения, касающиеся раздела Марокко, известны достаточно хорошо и не требуют дополнительного комментария. В контексте испанской проблематики решения, достигнутые в Альхесира-се, означали лишь запрограммированную ими привязку Мадрида к политической линии Антанты. Наделив Испанию правом определения судьбы прилегающей к Гибралтару части Марокко, Лондон и Париж не только устранили риск взаимного трения, но и исключили возможность испано-германского сближения. Испанский король Альфонс XIII отныне не мог расстаться с прогнозируемыми экономическими выгодами от эксплуатации испанской зоны султаната, а кроме того утратить авторитет «реаниматора» империи. В Берлине Вильгельм II отныне полагал своего испанского подражателя соучастником творцов «штальринга», препятствующих обретению его Второй империей достойного места под солнцем. Впрочем, невнимание столпов германской политики к Испании и ее действиям косвенно свидетельствует о заведомой уступке в иберийском вопросе¹.

Тем не менее надежный клин в германо-испанские отношения требовал совершенствования. Выплатив Испании аванс в виде охваченных перманентным конфликтом марокканских территорий, партнеры затребовали дополнительных

услуг. На этот раз инициатива дополнений исходила из Лондона, где намеривались перестраховаться от случайностей, которые могли нанести урон британскому морскому доминированию. В апреле 1907 г. английский король Эдуард VII посетил Испанию, где предложил испанскому коллеге соглашение о соблюдении «статус-кво» в вопросе о пунктах базирования. Спустя месяц, 16 мая 1907 г., Картахенское соглашение вступило в силу. Великобритания, Испания и примкнувшая к ним Франция взаимно декларировали единство действий с целью недопущения в договорные воды и порты ВМС третьих стран. В случае подобных посягательств подписанты приступали к консультациям о мерах противодействия. Соглашение касалось западного Средиземноморья, вод Атлантики, непосредственно омывающих берега испанских метрополий, колоний и Канарских островов. Кроме того, неизменность принадлежности баз ВМС косвенно легитимировало английское присутствие в Гибралтаре². Данная позиция позволяла оценить «Первое Картахенское соглашение» как излюбленный английский прием с разделом сфер влияния, призванный ослабить напряжение в периферийных секторах ради концентрации на главном направлении, коим, несомненно, являлась Вторая империя.

Весной 1913 г., когда угроза европейского конфликта стала более осязаемой, французы и испанцы решили упрочить отношения. Осведомляя Лондон, остальные акторы нацелились на более конкретные военные обязательства, чреватые прямым союзом. Испания, вероятно, была удручена миссией Холдена³, за которой последовала активизация англо-германских контактов по ряду колониальных проблем в Африке⁴. Возможность умиротворения Вильгельма за счет португальских колоний по ряду причин тревожила Альфонса XIII, а возможно, и наводила на мысль о судьбе Фернандо-По и Испанской Гвинеи в свете британской модели компромиссов. Зондаж короля Альфонса XIII в Париже весной 1913 г. закончился повторным совещанием в Картахене, состоявшемся 7–10 октября того же года. Представлявший Испанию премьер граф Романьонес потребовал от французского президента Р. Пуанкаре оперативных планов по противодействию возможным германским амбициям в консультационном регионе⁵. Французская сторона явно замешкалась, не желая принимать конкретных обязательств – воевать по зову испанцев. Кроме того, сам театр не согласовался с англо-французским разделением оперативных зон, оговоренных в соответствующей конвенции от ноября 1912 г.⁶ Между тем, англичане, ответственные за Атлантику, отмалчивались, пребывая в роли осведомленного статиста. Зато Р. Пуанкаре поинтересовался перспективой транзита французских подкреплений из Алжира и Марокко по испанской территории и получил отказ ввиду слабости испанской железнодорожной сети.

Сам факт обсуждения трансиспанского маршрута свидетельствовал о серьезных намерениях Франции вовлечь средиземноморского партнера в грядущий конфликт с Германией. Уровень переговоров, за спиной испанской группы которых постоянно маячила фигура монарха, говорил о желании Парижа увидеть испанцев штурмующими Мец или форсирующими Рейн. Испанцы грамотно провели рекламную кампанию, демонстрируя мощь. В строй был срочно введен первый испанский дредноут, ставший главной декорацией завершающего раунда переговоров в Картахене⁷. В те годы обладание кораблями подобного класса было сродни современному владению ядерным оружием, свидетельствуя о первоклассном характере державной мощи. К слову, Францию на картахенском рейде представляли корабли попроще, а первенец французского дредноутного флота «Жан Бар» в октябре 1913 г. только испытывался⁸. Впрочем, «Эспанья» находилась в том же положении, ее ускоренное вступление в строй должно было пустить пыль в глаза потенциальному союзнику.

Таким образом, демонстрируя некоторое превосходство, испанцы набивали цену. Что касается сухопутной армии, то на бумаге Испания выглядела достойным партнером, имея 16 пехотных дивизий, 1 – кавалерийскую и 12 – разнородных бригад. В сумме эти силы приближались к 300 тыс. бойцов и выглядели как серьезное подспорье в европейском конфликте. Но Второе бюро французского генерального штаба не могло не знать и других цифр. Например, тех, что касались численности войск, связанных с борьбой в Марокканском протекторате, а таковых в 1913 г. насчитывалось свыше 60 тыс.⁹ Причем в 1913 г. ввиду обострения обстановки, вызванной восстанием племени Джибала под руководством Аль Райсуни, протекторат срочно требовал подкрепления¹⁰. Лучше того, французам была известна техническая база испанской армии, коль скоро заказы на орудия, автоматическое оружие, аэропланы для новорожденной авиации партнера выполнялись иностранными и преимущественно французскими фирмами.

Данный пласт информации оптимизма не вызывал, поскольку современного вооружения испанцам едва хватало для Африки. Испания имела серьезный демографический потенциал для мобилизации, но данные возможности не покрывались производством предметов снабжения, что угрожало по мере исчерпания скудных арсенальных запасов превращению испанской армии в иждивенца для французской экономики. Впрочем, даже такой вклад полуострова в труды грядущих фронтовых будней превосходил намеченный английский. Французы колебались. Иначе говоря, Испания явилась бы подходящим партнером при выполнении двух условий. Первого, подразумевающего скоротечность кампании, и второго – абсолютной политической покладистости и нестяжательства испанцев. В то, что случится первая

часть оптимистической концепции, французы в 1913 г. верили, равно как их враги и союзники. Но вот во втором сегменте Пуанкаре и свиту ожидало разочарование. Испанцы недаром прибегали к рекламным трюкам. Они готовили сенсационное требование за тесный военный союз.

У Альфонса XIII, как у многих посредственных властителей, была тяга к величественным деяниям. Он мечтал о поглощении Португалии и создании «Иберийской империи»¹¹. Следует оговориться, в период кануна великой войны повод помечтать существовал. В 1908 г. после двойного цареубийства, совершенного карбонариями-республиканцами и погубившего сразу и монарха, и легитимного наследника. Португалия вступила в фазу затяжного кризиса¹². Новоявленная республика, явившаяся следствием октябрьского переворота 1910 г., оказалась слабодеспособной. Радикальные преобразования вовсе не коснулись социальной сферы и экономики, зато имели ярко выраженную антиклерикальную направленность, что быстро поссорило Первую республику с большинством населения страны¹³. Началась цепочка антиреспубликанских заговоров и мятежей. В 1912 г. роялисты, в частности, провозгласили «Монархию севера» в центре во втором по значимости для страны городе Порту и несколько недель выдерживали под контролем треть территории государства. Причем базой роялистов и их надеждой была Испания¹⁴. Альфонс XIII, естественно, видел себя вождем «белой революции» и объединителем иберов. Однако решиться на вторжение без одобрения мирового сообщества не сумел. Но ситуация в Португалии не имела тенденций к улучшению, следовательно, ключевой вопрос для испанского монарха с повестки дня не снимался. В результате именно Португалию Альфонс и попросил в уплату за союз с Францией у ее президента¹⁵. Пуанкаре отказал, очевидно, памятуя об англо-португальском договоре, непрерывно возобновляемом, ни мало ни много, с 1666 г. по причине особой ценности Лузитании для Альбиона и его стратегии¹⁶. Вслед за тем пошли прахом идеи испанского транзита и совокупных ударов на Рейне. Картахенскую гавань Пуанкаре покидал с испанским обещанием «дружественного нейтралитета» и желательного возобновления консультаций при обострении обстановки¹⁷. Обе стороны сохранили свободу рук при известном добрососедстве, чем Испания не преминула воспользоваться. Едва в Европе заговорили пушки, правительство консерватора Э. Дато, вопреки традиционной для единомышленников ориентации считавшегося сторонником Антанты, объявило о нейтралитете. Это произошло 1 августа 1914 г. в одностороннем порядке, без каких-либо ранее намечавшихся консультаций с партнерами¹⁸.

Лишенная «португальской» либо любой иной мотивировки, Испания избрала благотворный нейтралитет. Причем выбор был сделан именно Испанией, ее народом, элитой, самой структурой

экономики. Отношение к противостоящим блокам буквально разрывало на куски любые политические объединения, партии и движения. Традиционно сменявшиеся в рамках конституционной монархии группировки либерал-демократов и либерал-консерваторов оказались раздробленными на равносильные фракции, каждая из которых приобрела свою долю вождей. Антантофильскую группировку возглавили консерватор Э. Дато и классический либерал А. де Фигуэро и Торрес, более известный как граф Романьонес. В германологии признавались А. Маура, авторитетнейший консерватор, и одновременно М. Гарсия Прието, известный как самый последовательный демократ среди испанских либералов¹⁹. Причем межпартийных разногласий внешнеполитическое позиционирование отнюдь не ослабляло, как и кризисных явлений в социально-экономической жизни Испании, приводя к частой смене правящих партий. В результате с 1914 по 1918 г. у руля страны прибывало семь кабинетов, возглавляемых всеми упомянутыми политиками. Группировки, оппозиционные режиму в целом, как республиканцы или сторонники карлистских кандидатов (альтернативные монархисты) склонялись соответственно к Антанте и центральным державам. «Левые» делились сложнее, вожди социалистов преимущественно симпатизировали «сердечному согласию», однако имела пацифистская прослойка, обильно одобренная анархо-синдикалистами. Эту, последнюю, группу французская контрразведка считала подверженной германскому влиянию²⁰.

Впрочем, выше изложенное являлось исключительно вопросом симпатий или антипатий, поскольку в условиях тотального дробления общества выпестовать реальную принадлежность к одному из лагерей было невозможно. Налицо тот редкий случай, когда плюрализм, возникший за отсутствием действительной общенациональной мотивации, сослужил благую службу стране.

Исходя из данных обстоятельств, испанский вклад в победу одного из лагерей мог иметь сугубо экономическое измерение. Нейтралитет мог быть истинным, подразумевающим эмбарго на торговлю со всеми комбатантами, примеров чего история вообще не знает. Либо в силу нецелесообразности таковых нейтральность зиждилась на свободном извлечении прибылей из потребностей обоих лагерей, что являлось мечтой «любой мудрой обезьяны, наблюдающей чужую свару». Но британская морская блокада, объявленная немедленно по вступлении в войну и ужесточенная в 1915 г., когда под контроль встали даже объемы внутреннего потребления граничащих с Германией нейтральных стран, практически исключила возможность систематического и объемного товарооборота между заинтересованными нейтралами и коалицией, возглавляемой Германией²¹. Начертание тверди и вод оставило возможность извлечения двояких прибылей лишь Швеции. Остальных нейтральных

продавцов мероприятия Королевского флота превратили в невольных союзников Антанты. Этой участи не избежали даже США и уж, конечно, Испания, пережившая период конъюнктурного взлета спроса.

Поздней осенью 1914 г. рухнули все предвоенные расчеты военных и политиков на скорое завершение конфликта. Оптимисты в руководстве противостоящих блоков либо прозревали до состояния прагматиков, либо заменялись таковыми. Стремительная аннигиляция ресурсов, перекройка границ зон размещения производительных сил, исчерпание трудовых резервов в условиях войны нового типа потребовали расширения и укрепления экономического фундамента сражающихся социумов. Кризисный характер перемен заставил прибегать к чрезвычайным мерам. Медленное, но надежное, интенсивное совершенствование экономических платформ не обеспечивало должной динамики роста, пришлось искать путей экстенсивного увеличения могущества. Наступал «звездный час» испанского экспорта. Его основу традиционно составили промышленное сырье и продовольствие. В 1914 г. обе группы товаров резко выросли в цене. Оставив свой основной железорудный бассейн в районе Лонгви-Бри, Франция разом лишилась почти половины сырья черной металлургии. В Англии определяющей морской мощью тандем У. Черчилль – Д. Фишер к ноябрю 1914 г. предложил чрезвычайную программу военного судостроения, включавшую 612 боевых кораблей и вспомогательных судов²². Подобные проекты, в свою очередь, требовали заметного роста выплавки чугуна и стали, даже на фоне и без того увеличившегося спроса на железорудные запасы планеты. Продукция испанских рудников расходилась невиданными темпами. Неслучайно именно рудная страна басков к 1919 г. вышла на первое место в стране по уровню концентрации капитала²³. Вторым по значимости товаром лихолье оказался уголь, добыча которого с 1913 по 1918 г. выросла почти вдвое, обогатив угледобывающую Астурию²⁴. Отлично продавались медь рудников Рио-Тинто, легирующие материалы и редкоземельные металлы.

Особую ценность Испания как поставщик сырья обрела из-за ее близости к основным промышленным центрам Англии и Франции, что существенно облегчило работы транспортных систем воюющих империй, упрощая логистику и снижая издержки. По той же причине ввиду мобилизационных изыятий рабочих рук из агросекторов экономик Англии и Франции существенно возросла потребность в продуктах питания. Правда, на данном поприще испанцев поджидал неприятный сюрприз – рост цены продовольствия на мировом рынке подтолкнул предпринимателей к наращиванию экспорта. Между тем, слабость Испании в деле производства средств производства и сокращение подобного предложения

на планетарном рынке ограничило интенсивное развитие сельского хозяйства.

Предел экстенсивному росту положил имевший место процесс перемещения рабочей силы в промышленность. В результате расширения экспорта отставание от роста производства спровоцировало к 1916 г. почти двукратный рост цен на продовольствие, что повлекло эскалацию социальной нестабильности²⁵. Не имея возможности конкурировать с иностранными потребителями, платившими золотом, испанцы ответили энергичным забастовочным движением, едва не закончившимся в августе 1917 г. политической революцией²⁶. Впрочем, кризис 1917 г. был лишь первым симптомом болезни конъюнктурного роста испанской экономики. До поры кризисные явления компенсировались успехами в других отраслях. Едва ли не впервые на протяжении Нового времени ликвидность обрели испанские товары многочисленных переделов. Шерстяные и хлопчатобумажные ткани текстильщиков Каталонии явились первым резервом нуждавшейся в миллионах комплектов обмундирования французской армии. Затем к французскому правительству в деле закупок присоединилось итальянское, в целом удвоив производство испанского текстиля²⁷. Война практически с нуля создала испанскую химическую²⁸. Наконец, испанские промышленники, кроме полуфабрикатов, предложили рынку высокотехнологичные, применительно к эпохе, товары. Ряд предприятий Басконии и Каталонии, размещенных в Эйбаре, Гернике и Барселоне, наладили поточный выпуск пистолетов. За годы войны Франция, Италия и Россия закупили в общей сложности более 900 тыс. экземпляров автоматических пистолетов типа «Руби» и свыше 460 тыс. армейских револьверов²⁹. Патроны, правда, испанцы покупателям не предоставляли, поскольку их производство велось государственными арсеналами, и, следовательно, поставки были невозможны в рамках нейтралитета. Но калибр пистолетов соответствовал французскому стандарту, что упрощало обеспечение боекомплект³⁰.

Безусловно, испанские полукустарные технологии производства, как и качество пистолетов, оставляли желать лучшего, но в любом случае прибыли четырех крупнейших фирм по производству оружия превосходили все ранее наблюдавшиеся в неизбалованной экспортом сложных изделий Испании.

Кстати, в связи с вышеизложенным возникает любопытный исторический казус. Всему миру известен факт военного преступления франкистского режима и его союзников-нацистов, совершенного против баскского города Герники. Причем, ведя речь о варварской бомбардировке этого населенного пункта, историки и публицисты обычно указывают на отсутствие там какой-либо оборонной инфраструктуры. Между тем, в Гернике работали предприятия сразу четырех фирм, дочерних

знаменитой «Унсетте», выпускавшей огнестрельное оружие³¹. Этот факт косвенно подтвержден даже Большой советской энциклопедией 30-х гг., где помещена фотография оружейного цеха в «Гвернихе»³². Написание и фонетику сложной смеси кастильского и баскского языков оставим на совести составителей. До рейда «кондора» название городка было известно не слишком широко. Однако следует признать, что данный военный объект располагался именно в древней столице Страны Басков. Более того, архаичный характер производства заставлял оружейников размещать мелкие подряды по семейным мастерским, где в кустарных условиях, буквально «напильником на коленке» изготовлялись комплектующие для сборочных цехов. То есть Герника, сохранившая градообразующее производство и в период после Первой мировой войны, была весьма военизированным населенным пунктом.

Автор своим замечанием никоим образом не оправдывает нацистских зверств и не имеет такого желания, но лишь обращает внимание на способность информационных технологий, присутствующих даже первой половине XX в., существенно корректировать облик реальности.

Возвращаясь к основной тематике, следует констатировать, что внушительные показатели реализации продукции промышленного производства не являлись общеиспанским рекордом. Сложность переоснащения заводов и фабрик вследствие дефицита соответствующего станочного парка на мировом рынке помешала завершению диверсификации испанской экономики. Производительность труда и его механизация медленно росли на оружейных производствах, переделанных из ткацких фабрик³³.

Иное дело транспорт, особенно морской. Доходы семи крупнейших компаний судовладельцев уже в 1915 г. возросли в 12,5 раз, в сравнении с 1910 г., а к 1918 этот показатель был превышен вчетверо³⁴. Понятное дело, сказочный рост доходов был сопряжен не с ростом общей вместимости судовых трюмов, а со стоимостью перевозок, включавших военные надбавки за риск. Риск, следует заметить, был реален. В августе 1915 г. немецкие субмарины потопили пару испанских рудовозов на маршруте между Бискайским побережьем и Глазго. Причем с погибшим 19 числа транспортом «Пенья Кастильо» на дне оказались 23 члена команды³⁵. Испания заявила протест, в связи с тем, что первый раунд неограниченной войны был формально завершен, хотя груз железной руды был явной контрабандой. Берлин объяснил произошедшее ошибкой, но практики борьбы с нейтральным судоходством не оставил. На протяжении следующего года испанские перевозчики потеряли от действий немецких подлодок 13 транспортов, в основном с грузами, подпадающими под понятие стратегических³⁶.

В ответ на протесты Мадрида германцы предложили компенсацию в виде интернированных

в испанских портах германских пароходов, коих насчитывалось семь³⁷. Берлин, вероятно, хотел избежать развития событий по португальскому сценарию, когда конфискация немецких судов явилась «казусом белли» в германо-португальских отношениях³⁸. Но имелась существенная разница. Португальцы могли пожить семьдесятками судов, укрывшихся в устье Тахо, тогда как испанцам добровольно предлагалось десятикратно меньшее число. Отклонив немецкие компенсации, которые в любом случае уже были в руках, испанцы поменяли режим нейтралитета применительно к германским боевым кораблям. В начале войны испанские власти на местах закрывали глаза на отдельные факты нарушения режима пребывания и бункерования германских субмарин в водах близ Канарских островов, Марокко и даже в портах метрополии³⁹. С 1916 г. режим был серьезно ужесточен, и немецким подводникам отказали даже в кратковременном посещении территориальных вод и портов под угрозой немедленного интернирования. В 1917–1918 гг. испанцы выполнили обещанное, поставив на прикол 5 немецких подводных лодок⁴⁰. Кайзеровские моряки в долгу не остались, доведя общий счет побед над нейтральным испанским судоходством до 50 единиц, общим водоизмещением свыше 150 тыс. т⁴¹. Еще 6 судов под испанским торговым флагом получили повреждение. В качестве ответного шага в октябре 1918 г. под занавес событий Мадрид все же распорядился конфисковать собственность германских судовладельцев, застрявшую в национальных портах⁴².

Еще одним важным аспектом испанского бытия периода великой войны был вопрос о функционировании на просторах Иберийского полуострова и протектората разведывательных ведомств воюющих государств. С легкой руки памфлетиста Бласко Ибаньеса и французских контрразведчиков Испания предстала неким раем, где даже его величество Альфонс Бурбон не гнушался роли германского информатора. Все верно, однако французские бойцы невидимого фронта в своих академических трудах признавали, что немецкие шпионские сети эффективно функционировали в Барселоне или Бильбао, равно как в Бордо и Гавре. Что же касается автора памфлета «Разоблаченный Альфонс XIII», убедившего даже Ивана Майского в королевской склонности к шпионажу⁴³, следует учесть, хлесткое произведение франкофила Ибаньеса писалось во Франции, куда публицист бежал после переворота 1923 г. Так что острая критика в адрес не оценившего его достоинств монарха понятна, как и желание вызвать сочувствие принимающей стороны.

В действительности Испания, наряду с Голландией, Швецией, Данией и, как водится, Швейцарией, естественно, стала ареной ожесточенной битвы разведок. Посольство Германии в Мадриде в лице полномочного князя Рагибора и его атташе по военным и морским вопросам май-

ора фон Калле и кавторанга фон Корна трудилось не покладая рук⁴⁴. Деятельность посольского коллектива была весьма разнообразна. Сам посол, помимо отправления обычных дипломатических обязанностей, отвечал за финансирование сочувствующих Германии политических сил, отстаивая интересы германских предпринимателей, и организовывал обнародование точки зрения Берлина на происходящие в мире события. Его усилиями корректировалось общественное мнение Испании, осуществлялось информационное проникновение в периодику США и Латинской Америки, а также формировались прогерманские группировки в кортесах (парламенте) страны пребывания⁴⁵. Своим первейшим долгом князь считал сдерживание амбиций антагонистов германских интересов, таких как Э. Дато и графа Романьонеса, через разжигание их конфликтов с лояльным Второму рейху А. Маурой. Еще одной расходной статьёй посольства была «дружба» с карлистами. На соратников тронного претендента Хайме возлагались большие надежды, на случай если Испания изберет лагерь Антанты. В таких условиях от карлистов ждали чуть ли не развязывания гражданской войны⁴⁶. Впрочем, карлисты в отношении к войне были разобщены не менее прочих испанцев, и вероятность осуществления посольского проекта вряд ли была высокой. Велась пропагандистская работа в офицерских хунтах, объединивших командные кадры испанской армии. Самым нетривиальным шагом посла стало прямое воздействие на социальную ситуацию в Испании. В 1917 г., когда неограниченная подводная война сорвала экспорт валенсийских померанцев, князь Ратибор запросил Берлин о выделении денег на благотворительность. После чего консул в Валенсии занялся распределением денег среди рабочих апельсиновых плантаций, пострадавших от возникшего кризиса сбыта⁴⁷. Кроме того, первое лицо посольства использовал дипломатические каналы для финансирования торгово-закупочной деятельности германских фирм-импортеров. Измученная голодной блокадой Германия особое внимание уделяла испанским фруктам, создав две крупные корпорации «Продуктос Иберикос» и «Гесперид», занимавшиеся скупкой и переработкой витаминизированных продуктов⁴⁸. Надежд прорвать английские препоны и доставить джемы и компоты к немецким берегам в военное время не было. Но деятельность с 1917 г. велась непрерывно, очевидно в надежде быстро заполнить рынки Кайзеррейха в случае перемирия. Впрочем, прозорливые союзники нивелировали эти и другие усилия немцев, включив в компьенские пункты положение о сохранении блокады до момента подписания мирного договора. Следовательно, стратегического значения усилия по закупкам и складированию консервов редкоземов и прочих сырых материалов не возымели.

Майор фон Калле работал на собственном поприще создания масштабной шпионской сети. Об

успехах его деятельности судить сложно. Размеры и качество информационных потоков составляют святая святых тайн разведки. Несомненно одно, сеть существовала и по данным Людовика Ривьера, служившего криптоаналитиком французского Второго бюро, информация из Мадрида в Берлин шла полноводным потоком. Допросы французами Маргарет Зелле, более известной под сценическим псевдонимом Мата Хари, и ряда других агентов фон Калле, закончивших свою деятельность во рву венсенского полигона, производили шокирующее впечатление. Но в целом, по французским данным, бюджет ведомства военного атташе был самым скромным среди расходных статей посольства, не дотягивая даже до 300 тыс. песет⁴⁹. Иначе говоря, берлинский центр либо не слишком ценил фон Калле, либо надежнее прятал истинные объемы финансирования.

Заметно большими казенными средствами в годы войны пользовался морской атташе фон Корн. Его сподвижники создали довольно эффективную систему контроля за режимом судоходства в средиземноморье, Гибралтаре и Бискайском заливе. Немецкие агенты, кроме того, в период до 1916 г. обеспечивали скрытное базирование и пополнение запасов субмарин в испанских территориальных водах. В качестве мест стоянок якобы использовались марокканский Адждир⁵⁰, Тортоса и даже Валенсия⁵¹. Безусловно, возможность опереться на разветвленную систему базирования способствовала успеху подводников кайзера. Но справедливости ради, следует признать, что триумфальные действия весьма ограниченных сил германского подплава продолжились и когда Испания ужесточила контроль за соблюдением нейтралитета. Иными словами, немецкая удачливость зависела не от испанцев, а от французов. Последнее, отвечая за операции в бассейне Средиземного моря, в тандеме с итальянцами не сумели создать эффективной системы противолодочной обороны, пренебрегали конвоями и, следовательно, более чем все остальные повинны в тяжелых союзных потерях на театре⁵². Тем не менее мощную службу информирования о перевозках, созданную атташе германского посольства в Испании, следует считать избыточно полезной, поскольку благодаря ее действиям немецкие субмарины в основном выбирали из множества целей наиболее значимые.

Берлин ценил это обстоятельство и не ограничивал фон Корна в финансовых расходах, ассигновав на его нужды почти втрое больше, чем на работу военного атташе⁵³. Отдел «S», занимавшийся диверсиями, на территории полуострова не работал, дабы не раздражать испанскую полицию и спецслужбы. Хотя в 1917 г. трофеями испанцев стали как минимум две партии взрывчатки и детонаторов, перехваченных полицией. Усмотрев в инциденте явное нарушение испанского нейтралитета, власти в Мадриде провели процесс, по итогам которого ответственный за авантюру фон Корн стал нежелательной фигурой⁵⁴.

Самые серьезные усилия, тем не менее, германская разведка прилагала отнюдь не к шпионажу, саботажу и пропаганде. Наибольшие надежды Берлин возлагал на антиколониальное движение в Северной Африке. Неустойчивость колониальных институтов Франции и Испании в Марокко оставляла возможности для активных и последовательных действий по подрыву стабильности в стратегически важном регионе. Не желая окончательно портить отношения с Германией, Мадрид после принятия Альхесирасских соглашений предложил подданым кайзера режим экономического благоприятствования в испанской зоне Марокко. Предприимчивые германцы открыли в протекторате консульства и приступили к освоению рынка. Так что кадров для формирования разведывательной сети у подчиненных князя Рагибора хватало как и полезных бенефициаров. Испанский колониализм использовал в основном административные рычаги для эксплуатации и управления протекторатом. Естественно, в условиях внеэкономического способа извлечения богатств большинство марокканцев не симпатизировали колонизаторам. Перманентная война в протекторате от кампании к кампании порядком никак не способствовала. Собственно поэтому в 1912 г. Франция пыталась пересмотреть вопрос об испанском владении областью Джебала⁵⁵. Испанцы, в свою очередь, отстояв западную часть протектората, не стремились ввиду обиды на Париж к обузданию немецкой активности. Пользуясь свободой рук, германские разведчики и дипломаты приступили к вербовке сторонников среди местной элиты. Экономическую помощь из Берлина накануне и в годы Великой войны получали все значимые вожди марокканских племен: Абд аль-Малик, сопротивлявшийся во французской зоне протектората, Каид ар-Райсуни, организатор восстаний в горах, заселенных племенами Джебала и Абд Эль Крим (старший), отец будущего вождя Республики Риф. Всего за 54 месяца марокканские лидеры получили 16 млн песет, около половины всех средств выделенных разведывательному центру в Мадриде⁵⁶. Но эскалации антиколониальной борьбы не произошло. Вероятно около 1915 г. в Мадриде осознали, что локализовать восстание исключительно французскими владениями не удастся. После чего генеральный комиссариат в Марокко приступил к выдавливанию немцев с территории протектората. Флот и береговые службы упрочили систему борьбы с контрабандой оружия. В декабре 1916 г. потерпела провал попытка экипажа субмарины UC-12 доставить в Марокко порох и пули⁵⁷. Германско-турецкая группа контрабандистов была интернирована испанскими властями. Позже, уже в разгар Версальской конференции, в Барселоне был перехвачен очередной груз для Марокко, что доказывает последовательность германского стремления извлечь политические выгоды из колониальных проблем противника. Испанским

патрулям, разумеется, удалось пресечь далеко не все попытки усилить марокканских повстанцев, но оттянуть начало масштабных военных действий в Северной Африке до 1919 г. оказалось возможным. Это последнее обстоятельство лучше других свидетельствует об испанском благоразумии и деятельных попытках обеспечить реальный нейтралитет. Отсутствие мотивации и правовой базы для борьбы с германской разведкой, а также высокий уровень коррупции и децентрализации госаппарата, действительно, позволили последней работать смелее, нежели в странах противника. Но такая ситуация немедленно изменилась при угрозе жизненным интересам Испании. В таких случаях немцев по возможности ставили на место. О деятельности спецслужб Антанты в Испании известно немного, поскольку «победителей не судят». Однако известно, что французский атташе имел контакты самого высокого уровня и аудиенций в королевском дворце имел не меньше, чем фон Калле⁵⁸.

В важных вопросах стратегии и политики Испания стремилась к соблюдению нейтрального статуса и по адресу центральных держав. Мадрид отказался рассматривать возможность транзита на западный фронт войск Португалии и позже США. Хотя подобная перевалка через испанскую территорию зачастую разрешалась для грузов, в том числе и военного характера. В результате военные части Португалии и США вынужденно прибывали в порты, совершенно очевидные для германских подводных корсаров. Потопление торговых судов в испанских прибрежных водах имело место, но являлось следствием не халатности или попустительства, но скорее слабости противолодочной составляющей испанских ВМС. Испания располагала всего семью миноносцами, пригодными к патрульной службе. Еще 24 единицы в силу скромных ТТХ не могли всерьез напугать немецких подводников. Десяток канонерских лодок мало что меняли в общей картине, связанных действиями вдоль линии очень протяженного побережья полуострова и протектората⁵⁹. То была способность, характерная для всех европейских флотов эпохи. Таким образом, заявления о пособничестве немецкой подводной войне были беспочвенны.

В экономической сфере, фактически, одно-стороннее сотрудничество с Антантой, изредка нарушаемое попытками частных экспортеров тайком снестись с Германией, было обусловлено стратегической ситуацией. В остальном испанское королевство стремилось к поддержанию нейтрального статуса через участие в работе Красного Креста, прибегало к посредничеству при обмене военно- и гражданскопленными, безуспешно стремилось к посредническим функциям.

Еще один якобы испанский вклад в историю Первой мировой на самом деле вовсе не имел испанской природы. Речь идет о пандемии гриппа, прозванного «испанкой». По современным

данным, Кастилья и прочие области Иберийского полуострова не являлись родиной страшного вируса. Поветрие стартовало в иных местах, но в воюющих державах цензура скрывала сам факт катастрофической санитарно-эпидемиологической обстановки. В Испании военная цензура отсутствовала, и национальные СМИ первыми озвучили тяжесть и масштаб эпидемии⁶⁰. Так и появилось историческое название явления, вовсе не подразумевающего какой-либо даже условной ответственности испанцев за данное явление.

Дистанцировавшись от войны, на сколько позволяли обстоятельства, Испания, тем не менее, оказалась в русле общего для человечества процесса. Его позитивные последствия заключались преимущественно в существенном росте национального капитала. Пять уникальных лет, с 1915 по 1919 г., испанский экспорт преваляровал над импортом, причем на протяжении периода позитивная разница четырежды составляла около 60%. 5 «тучных» лет банки Испании концентрировали деньги и золото. За это время экономика страны впитала около 12 млрд песет инвестиций. Золотой запас Испании увеличился почти в 4 раза с объема равного 567 млн песет до 2223 млн⁶¹. Правительствам удалось полностью рассчитаться с прежними долговыми обязательствами и выкупить у иностранных компаний национальную транспортную инфраструктуру. Вообще иностранный капитал серьезно потеснился, несмотря на широкое инвестиционное поле, причем английских и французских резидентов существенно дополнили американские⁶². Испанцы отлично заработали на общечеловеческой трагедии. Страна встала на ноги, и слово «индустриальная» в общей характеристике аграрно-индустриального общества обрело реальный смысл. Но именно в этом положении таилась главная перспективная проблема. Возникшие урбанистические тенденции с присущей концентрацией рабочих рук в промышленности в обычном режиме не соответствовали мировому и национальному спросу на труд испанцев. За годы войны число людей, занятых в промышленности и на транспорте, возросло с 700 тыс. человек до приблизительно 1800 тыс. к 1919 г.⁶³ Между тем, емкость национального рынка выросла не в разы, а лишь на 20–30%, тогда как рынки мировые вновь вернулись в руки традиционных хозяев. В таких условиях Испанию ждал неизбежный социально-экономический кризис, чреватый либо революцией, либо становлением структуры государственно-монополистического капитала в чрезвычайно жестокой форме. Следует отметить, что глубина послевоенного кризиса оказалась столь существенной, что испанцам довелось испытать все исторические варианты. Такой оказалась цена временного улучшения экономической конъюнктуры в эпоху Великой войны, причем отнюдь не только для испанцев.

Примечания

- 1 Б. Бюлов, А. Тирпиц и другие в основополагающих трудах абсолютно игнорируют вопросы, связанные с выбором Испанией геополитической позиции.
- 2 Дипломатический словарь : в 2 т. Т. 2. М., 1971. С. 32.
- 3 Тирпиц А. Воспоминания. М., 1957. С. 99–109.
- 4 История дипломатии : в 2 т. Т. 2. М., 1945. С. 212.
- 5 Дипломатический словарь. Т. 2. С. 33.
- 6 Евдокимова Н.П., Виватенко С. В. Раймон Пуанкаре – президент Франции. СПб., 2006. С. 47.
- 7 Митюков Н.В., Фернандес Р. Линкоры типа «Эспанья» // Морская коллекция. 2004. № 12 (69). С. 20.
- 8 Балакин С.А. ВМС Франции 1914–1918 // Морская коллекция. 2000. № 3 (33). С. 3.
- 9 Guerrero Acosta J.-M. El Ejército Español en Campaña 1643–1921. Madrid, 1997. P. 67–78.
- 10 Casas de la Vega R. Franco, military. Madrid, 1995. P. 102–112.
- 11 Бласко Ибаньес В. Разоблаченный Альфонс XIII. М., 1925. С. 13–14.
- 12 Эрману Сарайва Ж. История Португалии. М., 2007. С. 229.
- 13 Капранов Р. М. Португалия после Второй мировой войны 1945–1974. М., 1992. С. 24.
- 14 Там же. С. 24.
- 15 Евдокимова Н.П., Виватенко С. В. Указ. соч. С. 47.
- 16 Капранов Р. М. Указ. соч. С. 48.
- 17 Renouvin P. Les questions mediterranes de 1904 a 1914. Paris, 1966. P. 38.
- 18 Майский И. М. Испания. М., 1957. С. 408.
- 19 Там же.
- 20 Ривьер Л. Центр германской секретной службы в Мадриде в 1914–1918 гг. М., 1938. С. 22.
- 21 Каверин И. Н. За кулисами английской блокады. М., 1955. С. 88–90.
- 22 Лихарев Д. В. Эра адмирала Фишера. Владивосток, 1993. С. 129.
- 23 Historia de España. Т. VIII. Madrid, 1993. P. 447–448.
- 24 Гарсия Х. Испания XX века. М., 1967. С. 58.
- 25 Там же. С. 63.
- 26 Historia de España. Т. VIII. P. 501–502.
- 27 Ibid. P. 437.
- 28 Ibid.
- 29 Henrotin G. The Spanish Ruby pistol explandid. H&L Publishing (Belgium), 2004. P. 27.
- 30 Семенов Л. Испанские «браунинги» // Мир оружия. 2006. № 2 (17). С. 45.
- 31 Там же. С. 48.
- 32 БСЭ : в 65 т. Т. 29. М., 1935. Ст. 437.
- 33 Семенов Л. Указ. соч. С. 45.
- 34 Historia de España. Т. VIII. P. 438.
- 35 UBOAT.NET. URL: http://uboaat.net/wwi/ships_hit/4714.html (Дата обращения: 18.07.2012).
- 36 Там же
- 37 Балакин С.А. ВМС малых стран Европы 1914–1918 // Морская коллекция. 1999. № 3 (27). С. 17.

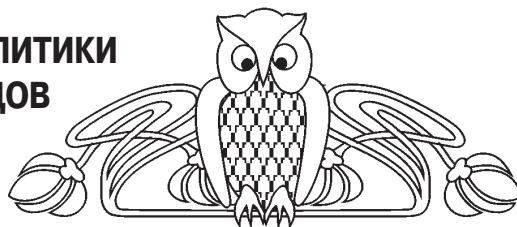
- ³⁸ Эрману Сарайва Ж. Указ. соч. С. 332.
³⁹ Бласко Ибаньес В. Указ. соч. С. 17.
⁴⁰ UBOAT.NET. URL: http://uboaat.net/wwi/ships_hit/4714.html (Дата обращения: 18.07.2012).
⁴¹ Там же.
⁴² Гарсия Х. Указ. соч. С. 58.
⁴³ Майский И. Указ. соч. С. 409.
⁴⁴ Ривьер Л. Указ. соч. С. 8.
⁴⁵ Там же. С. 11.
⁴⁶ Там же. С. 12.
⁴⁷ Там же. С. 27.
⁴⁸ Там же. С. 47.
⁴⁹ Там же. С. 73.
⁵⁰ Луцкая Н. С. Республика Риф. М., 1959. С. 43.
⁵¹ Бласко Ибаньес В. Указ. соч. С. 17.
⁵² Гибсон Р., Прендергаст М. Германская подводная война 1914–1918. Минск, 2002. С. 260–262.
⁵³ Ривьер Л. Указ. соч. С. 73.
⁵⁴ Там же. С. 62.
⁵⁵ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительства. 1878–1917. Серия II. Т. XVIII. М., 1938. С. 340.
⁵⁶ Ривьер Л. Указ. соч. С. 70–71.
⁵⁷ Гибсон Р., Прендергаст М. Указ. соч. С. 139.
⁵⁸ Ривьер Л. Указ. соч. С. 15.
⁵⁹ Балакин С. А. ВМС Франции 1914–1918 // Морская коллекция. 1990. № 3 (27). С. 19.
⁶⁰ Супотницкий М. В. Пандемия «испанки» 1918–1920 гг. в контексте других гриппозных пандемий и «птичьего гриппа». URL: <http://www.supotnitskiy.ru/stat/stat51.htm#gl2> (Дата обращения: 20.07.2012).
⁶¹ Historia de España. Т. VIII. Р. 428.
⁶² Майский И. Указ. соч. С. 380–381.
⁶³ Там же. С. 382.

УДК 94:329.055.3

ПОИСК НОВЫХ ВЕКТОРОВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ЕВРОПЕ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ

В. Г. Цыплин

Саратовский государственный университет
E-mail: v.tsyplin@yandex.ru

В статье определены основные этапы внешней политики СССР в Европе в 1920-х гг., анализируются особенности установления дипломатических отношений между СССР и европейскими государствами. Характеризуется период временного равновесия в механизме принятия внешнеполитических решений, существовавшего благодаря давлению оппозиции в ЦК ВКП (б) на Сталина и Политбюро.

Ключевые слова: межвоенный период, международные отношения, внешняя политика СССР.

The Search of the New Vectors of Russian Foreign Policy in Europe at the Beginning of 1920s.

V. G. Tsyplin

The article defines the major points of Russian foreign policy in Europe in 1920s. Author analyses relations between USSR and European countries during the period of temporary balance in the mechanism of decision making due to the pressure on Stalin and his supporters by the opposition inside the Communist Party.

Key words: interwar period, international relations, USSR foreign policy.

Историки уже многократно пытались разобрататься в сложном узле политических и этнотерриториальных проблем в Европе в межвоенный период, а так же определить основные направления советской внешней политики в Европе. Многие исследователи придерживаются мысли, что пока Европейские государства приходили в себя в надежде, что мировая война не повторить-

ся, в советском обществе ожидание новой войны усиливалось с каждым годом. Это продолжалось вплоть до конца 1920-х гг. В целом в Европе четко просматриваются попытки дипломатии изменить традиционные правила игры. Это подтверждают подписание пакта Бриана – Келлога о запрещении войны в качестве орудия национальной политики, созыв конференции по разоружению, создание Лиги Наций, воздержание от силовых методов решения своих проблем.

Во внешней политике СССР периода 1920-х гг. четко прослеживаются два этапа:

Первый этап (1920–1923 гг.) характеризуется усиленной дипломатической деятельностью стран-победительниц, направленной, во-первых, на создание и укрепление версальско-вашингтонской системы послевоенных международных отношений; во-вторых, на изоляцию Советской страны в целях её скорейшего подчинения или разгрома путем вооруженной интервенции.

Второй этап (1923–1929 гг.) был ознаменован, во-первых, обострением внутренних противоречий версальско-вашингтонской системы; во-вторых, постепенным расшатыванием этой системы усилиями враждебных ей государств; в-третьих, вступлением Запада на путь дипломатического признания Советского государства.

Практически это выглядело так, что на протяжении всех 1920-х гг. любое событие, происходящее на международной арене и хоть